

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В 70—90-х ГОДАХ XIX ВЕКА

В. С. Гальцев

Разгром реакционного движения мюридизма явился поворотным моментом в жизни народов Северного Кавказа. Планы англо-турецких захватчиков, направленные на отторжение Кавказа от России, провалились. Вовлечение народов Северного Кавказа в экономическую и политическую жизнь России имело огромное положительное значение для их дальнейших судеб. Русский капитализм, развиваясь не только вглубь, но и вширь, вторгся в экономический и общественный строй горцев, уничтожая веками сложившиеся здесь формы замкнутого натурального хозяйства, патриархально-родовые, феодальные пережитки и преобразовывая весь социально-экономический уклад на новой, капиталистической основе. Для горцев, стоявших «в стороне от мирового хозяйства и даже в стороне от истории...»¹, открывалась широкая дорога прогрессивного развития.

Проникновение капитализма на Северный Кавказ в 70—80-х годах XIX в. сопровождалось массовой колонизацией его русскими переселенцами. Русские крестьяне, главным образом Воронежской, Харьковской, Екатеринославской и других губерний Европейской России, ограбленные помещиками и царизмом при проведении крестьянской реформы в 1861 г., шли непрерывным потоком на Кубань, Ставропольщину, а также в северные районы Терской области. Северный Кавказ начинает быстро заселяться. Если в 1867 г. население края составляло 1427 тыс. человек, то к 1897 г. оно увеличилось до 3 783 837 человек². Важно отметить, что за этот период казачье население Кубанской области, официально именовавшееся «кореным», увеличилось только в 1,5 раза, тогда как пришлое, «иногороднее», — в 6,5 раза. С массовым притоком русских колонистов начинается распашка огромных массивов земли, которая после выселения в 1863—1865 гг. части горцев в Турцию попала в ру-

ки казны, казачества и частных лиц. Однако земли, осваивавшиеся русскими крестьянами, составляли лишь небольшую долю. Большую часть лучшей земли захватывали купцы-промышленники и зажиточные крестьяне из переселенцев. Дешевизна земли (на первом этапе массовой колонизации 5—8 руб. — продажная цена за десятину и от 20 коп. до 1 руб. 50 коп. — арендная плата за десятину) способствовала развитию здесь товарного хозяйства и крупного капиталистического земледелия.

Серьезным тормозом для быстрого экономического развития было отсутствие сколько-нибудь удобных путей сообщения. Экономические и стратегические условия выдвигали вопрос о строительстве железных дорог. С конца 60-х годов XIX в. началось железнодорожное строительство в Закавказье. В 1873 г. вступила в эксплуатацию первая железнодорожная линия — Поти — Тифлис. В 1875 г. была построена Владикавказская железная дорога общей протяженностью 720 километров. В 80-х — начале 90-х годов линия Владикавказской железной дороги была соединена с Закавказской магистралью через Владикавказ — Петровск — Дербент — Баку, а позднее — с Царицыном, с Волжским районом. Таким образом, территория Северного Кавказа прочно связывалась с промышленным центром России, Закавказьем, Каспийско-Черноморско-Волжским бассейном. Это явилось важнейшим условием быстрого развития производительных сил этого обширного края.

Строительство железных дорог привело к усилению притока капиталов на Северный Кавказ из центральной части Евразийской России и содействовало развитию торговли. «Следом за инженерами, — писала местная газета «Северный Кавказ», — строящими чугунку, наступает купечество; сотни хлеботорговых фирм основывают свои конторы... Капиталы стекаются, и возникают крупные торговые центры... Агенты заграничных экспортеров, скупщики, ростовщики, комиссионеры вырастают словно из-под земли и наводняют целый край»³.

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 521.

² «Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.». Изд. Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел под общей редакцией Н. А. Троицкого.

³ Газета «Северный Кавказ», 25 апреля 1896 года.

Одним из проявлений преобразующей роли капитализма являлась замена примитивной сельскохозяйственной техники новой, более совершенной. Анализируя этот процесс, В. И. Ленин отмечал, «какую гигантскую революцию произвел в нашем земледелии капитализм в течение последних двух — трех десятилетий»⁴. Внедрение новых сельскохозяйственных орудий особенно быстро проходило на Кубани и в Ставропольской губернии. На Кубани в 1887 г. насчитывалось 37 884 усовершенствованных земледельческих орудия, а в 1895 г. их было 132 тысячи. Таким образом, только за 9 лет количество сельскохозяйственных машин увеличилось в 3,5 раза. По данным, приводимым В. И. Лениным, в Ставропольской губернии процесс обновления сельскохозяйственной техники проходил еще более бурно; в 1882 г. сельскохозяйственных машин и орудий было здесь всего 908, а в 1895 г. — 64 тысячи. Следовательно, число сельскохозяйственных машин за 13 лет увеличилось более чем в 70 раз.

Производство главной зерновой товарной культуры — пшеницы — и других хлебов быстро увеличивалось. За пять лет (с 1892 по 1896 г.) рост производства пшеницы в Ставропольской губернии выражался в следующих данных⁵:

Годы	Посеяно в четвертях	Собрано	Сбор всех остальных хлебов
1892	252 790	2 431 031	2 301 661
1893	267 255	2 835 333	3 673 839
1894	246 678	1 742 000	2 631 863
1895	2 748 430	24 080 715	33 780 373
1896	3 001 286	13 619 151	27 658 306

Сопоставляя цифры посева и сбора пшеницы в 1892 и в 1896 гг., мы видим, что посев увеличился почти в 12 раз, а сбор — в 5 с лишним раз. Если же учесть, что в 1896 г. был неурожай, и сравнить с 1895 г., то увидим, что по сравнению с 1882 г. пшеницы было собрано почти в 10 раз больше. Характерно, что сбор других зерновых культур — овса, ячменя и т. п. — также увеличился почти в 15 раз. О росте товарности зернового хозяйства губернии свидетельствует тот факт, что больше половины собранного хлеба шло на рынок: в 1892 г. было продано 58%⁶.

⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 191.

⁵ «Памятная книжка Ставропольской губернии на 1898 г.». Ставрополь. 1898, стр. 20.

⁶ «Северный Кавказ», 25 апреля 1896 года.

По темпам роста посевной площади и по количеству сбора зерна на душу населения Предкавказье вышло в начале XX в. на первое место во всей Российской империи⁷. Уже в 90-х годах Северный Кавказ был одним из основных поставщиков товарного хлеба. В 1893 г. только из Кубани через Новороссийский порт было вывезено 45 млн. пудов зерна и муки, преимущественно на zahraniчные рынки.

С 80-х годов в Ставропольском крае стало широко развиваться промышленное овцеводство и в особенности тонкорунное, что свидетельствовало о превращении сельского хозяйства Северного Кавказа в товарно-капиталистическое. Еще в 70-х годах устремившиеся сюда с южных окраин России, особенно из Таврической губернии, предприниматели-овцеводы создали крупные овцеводческие хозяйства, став монополистами тонкорунной шерсти на местном рынке. По статистическим данным П. Н. Кулешова, только 39 крупнейших овцеводческих хозяйств Северного Кавказа имели в 1891 г. 980 тыс. мериносовых овец. Таким образом, на каждое хозяйство приходилось в среднем более чем по 26 тыс. голов. В степной полосе Терской области, в зоне «восточных и центральных колодез», тавричане-овцеводы на арендованных у казачьих станиц пастбищах разводили десятки тысяч тонкорунных овец. В 90-х годах хуторские хозяйства овцеводов Рудометкина и Бабица насчитывали по 11 тыс. овец каждое; предприниматель — овцевод Нестеренко содержал 24 тыс. овец на пастбищной площади в 17 тыс. десятин. В 1891 г. в крае производилось только одной мериносовой шерсти 1 200 000 пудов⁸.

Быстро росло табаководство. Так, в 1861 г. под культурой табака было занято всего 93 десятины и собрано 1 140 пудов табака, а в 1888 г. площадь под табаком увеличилась до 9 275 десятин, а сбор — до 670 тыс. пудов. Таким образом, менее чем за 30 лет земельная площадь под табаком возросла почти в 100 раз, а продукция — более чем в 58 раз⁹.

В крае возникают крупные капиталистические хозяйства комбинированного типа — сельскохозяйственные и промышленные. Та-

⁷ Е. С. Карнаухова. Размещение сельского хозяйства России в период капитализма (1860—1914 гг.). М. 1951, стр. 86, 90.

⁸ «Производительные силы России. Отд. III. Овцеводство». Составил П. Н. Кулешов. СПб. 1896, стр. 24—25.

⁹ Газета «Кубанские ведомости», 10 ноября 1890 года.

ким являлось хозяйство барона Штейнгеля на Кубани, близ Армавира. Его территория равнялась 20 тыс. десятин собственной и арендованной земли. Здесь насчитывалось в начале 90-х годов 40 тыс. тонкорунных овец, откармливалось на убой ежегодно до 6—8 тыс. быков, засеивалось до 6 тыс. десятин земли, накашивалось до 1 млн. пудов сена, работали спиртоводочный и маслособый заводы.

Как и всюду, процесс капиталистического развития в земледелии Северного Кавказа сопровождался социально-экономической дифференциацией сельского населения. Из среды так называемого безземельного и бесправного «иногороднего» населения выделялось все большее количество батраков. В 90-х годах в Ставропольской губернии насчитывалось 8 799 батраков, что составляло 5,5% мужского населения губернии. В 1894 г. в губернии было 25,5% безлошадных крестьян, 4,5% всех крестьянских дворов не имели вовсе скота. Все большее количество сельского населения стало использоваться в промышленности и торговле. «Излишнее» население деревни шло в другие районы на временные и постоянные заработки: так, в 1894 г. по губернии взяли паспорта и билеты на отход 25 186 человек¹⁰.

К 90-м годам XIX в. на Северном Кавказе работали крупные паровые мукомольные мельницы, элеваторы, маслособные, сыроваренные, мыловаренные, табачные, спиртоводочные и прочие предприятия обрабатывающей промышленности. Зарождалась крупная промышленность: например, цементные заводы в Новороссийске, цветная металлургия в Осетии, нефтяная промышленность в Грозненском районе, в Майкопе и т. д. В Садонском районе Осетии велась разработка серебряно-цинковых и цинковых руд, добыча которых резко повысилась после перехода шахт в 1896 г. от казны в частные руки; если в 1895 г. здесь было извлечено всего 37 005 пудов руды, то в 1897 г. — 453 тыс. пудов, а в 1898 г. — уже 751 442 пуда. Таким образом, добыча руды по отношению к 1895 г. увеличилась почти в 21 раз¹¹.

В 1883 г. на Кавказе был построен первый завод по производству портланд-цемента под фирмой «Общество черноморского цементного завода». Его продукция в 1883 г.

равнялась 500 тыс. пудов, в 1891 г. — 1 млн. 500 тыс. пудов, а в 1893 г. — около 3,5 млн. пудов. Производительность Новороссийского цементного завода к 1897 г. достигла 4,5 млн. пудов, и завод занял «первое место среди всех цементных заводов России»¹². В 1895 г. было добыто нефти: в Кубанской области — 1 318 363 пуда, в Терской области — 28 375 150 пудов. По сравнению 1893 г. добыча нефти в Кубанской области возросла в 2,5 раза, в Терской области — почти в 3,5 раза¹³.

К концу XIX в. все заметнее стало проникновение иностранного капитала в промышленность Северного Кавказа.

Ярким свидетельством быстрого процесса отвлечения населения от земледелия к торгово-промышленным занятиям является рост городов и городского населения. К началу 70-х годов на Северном Кавказе появились такие города, как Владикавказ, Грозный, Новороссийск, Екатеринодар и др. Эти населенные пункты, долгое время являвшиеся крепостями, стали играть важную роль и в экономической и в культурной жизни края. По переписи 1897 г., население городов и административных пунктов (без Дагестана) составляло 11,33% ко всему населению края.

Изменения в социально-экономических отношениях в русских районах неизбежно должны были коснуться и горского населения Северного Кавказа. Один из осетинских писателей-экономистов, А. Г. Ардашев, выступавший в печати под псевдонимом В.—Н.—Л., писал: «В настоящее время... туземцы Северного Кавказа вступают в новый период жизни. Современная торгово-промышленная жизнь начинает касаться их все более и более благодаря улучшенным путям сообщения, в особенности железным дорогам, сблизившим пространства и народы.

Новые экономические отношения, в которых горцу приходится действовать волею или неволею, как более развитые и могущественные, подвергают его хозяйственный быт, культуру серьезному испытанию». Самым важным результатом этих перемен автор считал то, что «горцы лицом обернулись к русским»¹⁴.

¹² А. Х — г-ов. Цементное производство на восточном побережье Черного моря. «Новое обозрение» №№ 4538 и 4550 за 1897 год.

¹³ Архив Северо-Осетинской АССР, ф. Окружного инженера, св. 13, д. 128, л. 50.

¹⁴ В.—Н.—Л. Переходное состояние горцев Северного Кавказа. Тифлис, 1896, стр. 20.

¹⁰ «Северный Кавказ», 25 апреля 1896 года.

¹¹ Архив Северо-Осетинской АССР, ф. Окружного инженера IV Кавказского горного округа, св. 13, 17, 18, д. 128, 168, 173, лл. 58—62, 69, 128.

К середине 60-х годов горские народы были втянуты в капиталистическое развитие, однако степень этого вовлечения была различной для каждого из народов. Это было обусловлено уровнем социально-экономической зрелости народов. Некоторые из них находились еще на стадии первобытного, патриархального строя, у других господствовали патриархально-феодальные отношения. В тезисах доклада на X съезде РКП(б) И. В. Сталин отмечал, что значительная часть населения окраинных народов не успела пройти капиталистического развития и сохранила «в большинстве случаев скотоводческое хозяйство и патриархально-родовой быт (Киргизия, Башкирия, Северный Кавказ)...»¹⁵.

Кабарда и Осетия были втянуты в капиталистические отношения. Однако в этих районах продолжали существовать феодальные пережитки. Вплоть до 90-х годов здесь сохранились подселенно-залежная система земледелия с крайне отсталой техникой и такая же примитивная форма животноводства. (В настоящей статье мы не касаемся положения народов Дагестана. Эта тема требует специального исследования.)

Серьезным препятствием на пути капиталистического развития являлась политика царизма, выражавшая интересы помещиков. Самодержавие поддерживало на Северном Кавказе отживший социально-экономический строй горцев. Однако под напором объективной исторической необходимости царизм вынужден был провести ряд важных мероприятий, способствовавших развитию капитализма среди горских народностей. Самым крупным из них была отмена крепостного права. Еще в 1862 г. командующий войсками Кубанской области доносил начальнику Главного штаба Кавказской армии, что «между туземными холопами уже брошена идея о предстоящем их освобождении, которая, в случае неудовлетворения ее, поведет к столкновениям владельцев с крепостными их людьми»¹⁶.

В 1867 г. крепостное право было отменено в Кабарде, затем в Осетии. Последними были избавлены от крепостной зависимости адыгейские племена черкесов на Кубани. Всего на Северном Кавказе было освобождено около 50 тыс. холопов — рабов и крепостных, основную массу которых составляли жители Кабарды и закубанские черкесы.

Крестьянская реформа на Кавказе была проведена в интересах местной феодальной верхушки и сопровождалась бессовестным грабежом крестьян-горцев. «Освобождаемые» крестьяне должны были внести огромные выкупные суммы за личную свободу и фактически лишались основных средств для самостоятельного ведения хозяйства. Например, в Кабарде «освобожденных» крестьян трех участков: Баксанского, Черекского, Малокабардинского — так оборвали, «что одна лошадь приходится более чем на 36 человек, один баран — почти на 4 человека и одна сапетка пчел — на 27 человек». В горском районе Кабарды князя — пши и уорки — отняли у холопов 65,6% лошадей, 65,7% рогатого скота¹⁷. Крестьяне лишались не только скота, но и земли, а часто и своих жилищ. В то же время кабардинская феодальная знать щедро награждалась деньгами и крупными земельными участками за потерю прав над «подвластным народом». «В Кабарде, например, в руки небольшой кучки князей и уорков перешло более 100 тыс. десятин высококачественной земли»¹⁸. В результате реформы в Осетии у «стырмыккаг», знатных феодалов, составивших всего 1,7% населения Осетии, оказалось 86,7% всей частновладельческой земли, тогда как у 97% крестьян-землевладельцев имелось всего 13,3% земли¹⁹. Осетинские помещики Тугановы владели земельной площадью в 13 тыс. десятин.

Несмотря на уродливый характер, крестьянская реформа на Кавказе способствовала росту производительных сил, экономическому развитию народов Северного Кавказа. В пореформенный период товарные отношения все глубже проникали в экономику горских районов края. Прежде торговля русского населения с горцами носила случайный, эпизодический характер. Теперь торговые операции получили значительный размах и стали совершаться на типично капиталистических началах. Горцы все чаще прибегали к помощи рынка, приобретая не только разнообразные предметы личного потребления, но и более совершенные сельскохозяйственные орудия. Центрами торговли становились города и крупные села. Одним

¹⁷ Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. III. 1870 год.

¹⁸ «Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института». Т. VII. 1952, стр. 79.

¹⁹ «Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института». Т. XI. Вып. 1. Ч. 1-я, стр. 7.

¹⁵ И. В. Сталин. Соч. Т. 5, стр. 25.

¹⁶ ЦГИА Грузинской ССР, ф. 416, д. 396, л. 3.

из крупных торговых пунктов был город Владикавказ. В 1876 г. в нем имелось 187 купцов, здесь были сосредоточены главнейшие оптовые базы и склады зерна; сюда поступали шерсть, кожа, предметы кустарных промыслов, а также изделия фабрично-заводского производства.

По данным А. Г. Ардасенова, в Осетии, не имевшей 20 лет назад лавок, принадлежавших осетинам, в 90-х годах уже на 300 дворов населения насчитывалось 4—5 лавок. По свидетельству Ардасенова, всякий, кто имел 40—50 руб., спешил начать торговлю. Мелкие торговцы вытеснялись экономически более состоятельными. Последние торговали разнообразными изделиями фабричной промышленности и продукцией сельского хозяйства: кукурузой, скотом, сыром, маслом, войлоком, шерстью, кожей и пр.

Не довольствуясь наживой с торговли, осетинские богатеи расширяли ростовщические, земельно-арендные операции, строили мельницы, кирпично-черепичные заводы, сыпные пункты зерна на станциях железных дорог и т. д. Та же картина наблюдалась и в Кабарде. В 1879 г. здесь насчитывалось всего 7 лавок, а в 1900 г. их уже имелось 10, оптовых складов 20, питейных заведений 6; из 323 торговцев 87 были кабардинцы. Кабардинская буржуазия развернула особенно широкую торговлю лошадьми, скотом, землей и т. п. Только за одно десятилетие — с 1890 по 1900 г. — здесь было продано около 38 100 лошадей, в 1890 г. — 7 696 голов крупного рогатого скота и 29 982 овцы, в 1893 г. — соответственно — 4 879 и 35 856²⁰.

Местная национальная буржуазия широко применяла и кабально-ростовщические формы эксплуатации, которые бытовали в дореформенной горской деревне. Так, например, была распространена такая форма кредита, как «бегенда», когда бедняк, взявший в кредит у богача деньги, скот или овец, предоставлял заимодавцу до уплаты долга в бессрочное пользование свой участок земли, который, как правило, переходил в полную собственность заимодавца, тем самым окончательно разоряя бедняка.

Развитие торгово-рыночных отношений побуждало горцев производить в первую очередь те продукты, на которые предъявлял

спрос рынок: ячмень, пшеницу и особенно кукурузу. Кукуруза требовалась крахмальным и спиртоводочным предприятиям края и метрополии, а также вывозилась за границу. Не удивительно, что посевные площади под кукурузой увеличивались значительно быстрее, чем под остальными культурами. Так, в 1890 г. в Осетии посевы кукурузы составляли 30% всей посевной площади, а в 1900 г. — уже 64%. Осетия в период с 1897 по 1901 г. ежегодно вывозила кукурузы до 2 млн. пудов. Кабарда в 1897 г. вывезла 1 443 тыс. пудов зерна, в 1900 г. — 2 691 тыс. пудов, главным образом кукурузы.

Русское население на Северном Кавказе — казаки и крестьяне-переселенцы, применявшие более прогрессивные формы земледелия и пользовавшиеся более совершенной техникой, оказывали большое влияние на горское население. В хозяйстве горца залежная система земледелия заменялась трехпольем; вместо мотыги и сохи без реза и отвала внедрялся более легкий и производительный железный плуг; соха-волокуша (например, ассиона в Осетии) уступала место сперва деревянной, а затем железной бороне, при обработке земли вола заменялись лошадьми. «За период 1880—1890 гг., — писал современник, — появляются у нас молотилки... За период 1890—1900 гг. на улицах Христиановского селения паровые молотилки все время обрабатывают кукурузные кочаны в зерно и далеко за околлицей молотят все злаки, культивируемые христиановцами»²¹.

Тесное экономическое общение горцев с русским населением способствовало развитию новых отраслей сельского хозяйства горцев, в частности садоводства. О положении садоводства у горцев до присоединения Северного Кавказа к России А. А. Мамонтов сообщает: «При каждой сакле группами по несколько деревьев располагались фруктовые сады... Садоводство велось также примитивно. Горцы не занимались правильной подрезкой и прививкой фруктовых деревьев. Омоложение садов они производили... вырубая их через 15—20 лет и оставляя несколько побегов»²². Во второй поло-

²¹ М. К. Гарданов «Селение Христиановское в фактах жизни. Историко-статистико-экономический и революционный очерк». Известия Осетинского института краеведения. Вып. 1. Владикавказ. Июнь 1925, стр. 162.

²² «Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института», Т. I, 1946, стр. 93.

²⁰ Статистические данные взяты из статьи И. Мужева. Социально-экономическое развитие Кабарды во второй половине XIX в. (1868—1900 гг.). «Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института». Т. VII. 1952.

вине XIX в. характер садоводства решительно изменился. В годовом отчете начальника Терской области за 1885 г. говорилось: «Начало фруктовому садоводству положено было в пятидесятых годах в селе Алагир, Владикавказского округа, климатические и, в особенности, почвенные условия которого способствуют произрастанию высших сортов яблок и груш»²³. Русский инженер Иванецкий заложил в селе Алагир сад на площади около 10 десятин. Во второй половине XIX в. мы уже видим здесь большие сады Счастливцева, Семяникова, отставного генерала Трейтера, осетин Карабугаева, Бесолова и др. В начале 70-х годов на берегу реки Камбилеевки, близ Владикавказа, был создан специальный участок практического садоводства с площадью в несколько десятков десятин. К 90-м годам в соседних с Алагом селах Салугардане, Бирагзанг и других селениях плоскостной (равнинной) части Северной Осетии редкий двор не имел сада.

Экономические связи горского населения с русскими сказались также и на судьбе местных кустарных промыслов. По данным О. В. Маргграфа, кустарные промыслы на Северном Кавказе были развиты довольно широко. Здесь население ежегодно продавало: бурок — на 657 тыс. руб., крашенных войлочных ковров и различных войлочных изделий — на 1578 тыс. руб., оружия, медной и серебряной посуды — на 500 тыс. руб. и т. д. Всего поступало в продажу товаров на сумму 3841 тыс. рублей²⁴. Кустарные изделия имели широкий сбыт на Кавказе и в Закавказье: в Нухе, Баку, Тифлисе и других пунктах. С проведением Владикавказской железной дороги начался процесс интенсивного вытеснения местных кустарных промыслов, не выдерживавших конкуренции более дешевых привозных изделий русских фабрик. В то же время огромное количество сырья, перерабатываемого раньше горцами на дому, поступало теперь в виде шерсти, кож и пр. на фабрики центральных районов России.

Упадок кустарного производства на Кавказе усиливал процесс разложения горского крестьянства. Отходничество, совершенно неизвестное дореформенному аулу горцев, теперь с каждым годом принимало все большие размеры.

²³ Всеподданнейший отчет начальника Терской области за 1885 г., стр. 231. Владикавказ. 1886 год.

²⁴ О. В. Маргграф. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М. 1882, стр. 72 и др.



Окончание Кавказской войны создало необходимые предпосылки для более тесного культурного сближения горцев с русским народом и изучения Кавказа. Начиная с 60-х годов на Кавказ приезжают русские ученые, литераторы, представители искусства, изучавшие историю, этнографию, хозяйственный строй и культуру народов этого обширного края. В 1883, 1885 и 1887 гг. совершает поездку на Кавказ известный русский ученый-юрист, историк и социолог М. М. Ковалевский. На основе изучения жизни, обычаев, истории народов Северного Кавказа и Закавказья М. М. Ковалевский пишет впоследствии ряд капитальных трудов: «Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историческом сравнительном освещении», «Об обычном праве у сванетов», «Закон и обычай на Кавказе» и др. Русскому исследователю в его работе оказали большую помощь как личное общение, так и использование трудов местных ученых: в Осетии — Джантемира Шанаева и Саввы Кокиева, в Грузии — М. Мачабели, Д. Бакрадзе и др., в Дагестане — Башира Далгата.

Видный кавказовед В. Миллер в результате систематической исследовательской работы в различных районах Кавказа во второй половине XIX в. публикует ряд значительных трудов: «Осетинские этюды», «Кавказские предания о великанах, прикованных к скале», труды по археологии, местным языкам и пр. В 70-х — начале 80-х годов группа русских ученых-археологов — Ю. Д. Филимонов, В. И. Долбежов, В. Б. Антонович и др. — на территории Северной Осетии близ селения Кобань исследовала культуру бронзы, обнаруженную еще в 1869 году. После V Археологического съезда в Тифлисе в 1881 г. «Кобанская культура» приобрела мировую известность. В 1869 г. видный представитель русской музыкальной культуры композитор М. А. Балакирев на местном музыкальном фольклоре Кабарды и других народов Кавказа написал свою известную фортепианную фантазию «Исламей»²⁵.

Ряд крупных русских писателей обогащал литературу произведениями, отражающими жизнь и быт населения Кавказа.

²⁵ Н. Столяров. Произведения русских композиторов на кабардинские темы. «Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института». Т. II. 1947, стр. 193.

Главным препятствием для распространения просвещения среди горских народов было отсутствие у них письменности на родном языке. Они пользовались арабским языком, с помощью которого мусульманское духовенство опутывало горцев «от колыбели до могилы». Арабская письменность, как и арабская культура в целом, была чужда горцам. Стремление вырвать горцев из-под влияния мусульманского духовенства и развить национальную культуру стало одной из важнейших задач деятельности передовой части горских народов. В 1862 г. в Нальчик прибыли исследователь коренных кавказских языков, в дальнейшем член-корреспондент Российской Академии наук, Петр Услар (1816—1875) и адыгеец Умар Берсей, составитель первой адыгейской азбуки и грамматики. Целью приезда Услара и Берсея в Кабарду было создание кабардинской азбуки, которая строилась на русской графической основе²⁶. В этой работе принимал активное участие К. Атажукин, который на основании алфавита Услара составил «Кабардинскую азбуку», и грамматику, и первые книги для чтения.

В 80-х годах русский филолог и этнограф Л. Лопатинский составил по заданию Историко-филологического отделения Академии наук новую кабардинскую грамматику и словарь на «основе общелингвистической азбуки», а также русско-кабардинский словарь. «В моих работах по словарю и грамматике, — писал Л. Лопатинский, — принесли мне большую пользу два молодых кабардинца — Т. Кашежев и П. Тембиев, владевшие вполне русским языком и получившие правильную школьную подготовку²⁷. В 70-х годах академик В. Миллер усовершенствовал алфавит и грамматику осетинского языка, созданную еще в 40-х годах акад. Шагренем на русской графической основе.

Попытки введения новой письменности встретили упорное сопротивление со стороны мусульманского духовенства. Передовые представители горских народов понимали, что введение новой письменности означает борьбу с отсталыми, патриархаль-

но-феодальными формами жизни и приобщает горцев к русской и европейской культуре. Просветитель и деятельный пропагандист гуманных педагогических идей Ушинского, сторонник всемерного сближения кабардинцев с русским народом, К. Атажукин в 1870 г. писал: «Алфавит из русских букв облегчит народу изучение русской грамоты и этим ускорит сближение кабардинцев с русскими и их просвещением... Кабардинская письменность должна способствовать быстрейшему распространению грамотности... Потребность в знании русского языка не может исчезнуть в Кабарде; ее положение и отношение к русскому таково, что ей обходиться без русского языка невозможно. Это сознают и будут сознавать сами кабардинцы»²⁸.

В то же время царская администрация стремилась использовать школу для русификации местного населения и укрепления господства самодержавия на Кавказе. В этих же целях она использовала православную церковь. Специальным указом Александра II от 6 июня 1860 г. было создано «Общество восстановления православного христианства на Кавказе». Обладая солидным капиталом в сумме 400 тыс. руб. и опираясь на администрацию края и областей, это общество широко развернуло миссионерскую деятельность, особенно на территории Осетии. К 1876 г. здесь было создано около 10 школ церковно-приходского типа.

Эти школы, создаваемые властями, приносили известную пользу, являясь источником просвещения горцев. Вместе с насаждением религиозности, изучением «молитв, катехизиса и «священной истории» в школах обучали русскому языку, арифметике, географии, истории. Школьники-горцы занимались по «Родному слову» и «Детскому миру», составленным Ушинским, читали произведения Крылова, Пушкина, Лермонтова. Гуманные идеи произведений классиков русской литературы оставляли в умах и сердцах детей горцев глубокий след.

Наиболее состоятельные горцы отправляли своих детей в городские школы, а по их окончании — в высшие учебные заведения Москвы, Петербурга, Киева и других центров России. Здесь горская молодежь не только изучала науки, но и имела возможность приобщиться к общественному движению. В середине 70-х годов во Владикав-

²⁶ Г. Ф. Турчанинов. Кази Атажукин. Из истории кабардинской общественной мысли во второй половине XIX столетия. «Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института». Т. II. 1947, стр. 89—90.

²⁷ Л. Лопатинский. Краткая кабардинская грамматика. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XII. 1891 год. Тифлис.

²⁸ «Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института». Т. II. 1947, стр. 95.

казе возникла народническая организация «Кружок кавказской молодежи», в который входили грузины, осетины, кабардинцы, русские: М. З. Кипиани, Н. Р. Казбек, Д. Сохиев, Ибрагим Шанаев, Алексей Ардасенов, Л. Серебрякова, А. Вертепов и др. В донесении прокурора Тифлисской судебной палаты от 21 июня 1877 г. сообщалось, что участники этой организации «вели разговор про правительство, находя, что оно не обращает внимания на свих подданных и грабит их в свою пользу; читали они различные сочинения о правительствах других конституционных государств...объясняли, что в России есть общество, желающее улучшить быт простого народа, свергнув теперешнее правительство и восстановив лучшее»³⁰. Около половины арестованных членов этого кружка составляли осетины. Среди литературы, отобранной у арестованных, были такие книги: сборник статей Н. Г. Чернышевского «Об общественном землевладении», «Хитрая механика», «Сказка о копейке», номер газеты «Вперед» и др.

Во второй половине XIX в. у народов Северного Кавказа выделилась группа передовых общественно-политических деятелей. В Кабарде к их числу принадлежали просветитель-педагог, общественный деятель Кази Атажукин, народный поэт Бекмурза Пачев; в Северной Осетии — А. Гасиев, В. Г. Ардасенов и особенно К. Л. Хетагуров.

Коста Леванович Хетагуров (1859—1906 гг.) может быть отнесен к тому же типу прогрессивных общественных деятелей, к какому принадлежали И. Чавчавадзе в Грузии, М. Ахундов в Азербайджане, М. Налбандян в Армении. Воспитанный, как и они, на освободительных идеях великих русских революционеров-демократов, выдающийся осетинский поэт-публицист и общественный деятель Коста Хетагуров стремился связать борьбу горских народов за освобождение от национально-колониального гнета с освободительной борьбой великого русского народа против царизма и капитализма. Он поднял голос протеста против разжигания вражды между горцами и русскими и между отдельными горскими народами. В своей большой статье «Неурядицы Северного Кавказа», напечатанной в газете «С.-Петербургские ведомости» в 1889 г., Коста Хетагуров резко выступает против попыток причислить горцев к категории неполноценной, низшей расы. Он

требует устранения насилия и установления полного равенства для всех народов Кавказа как главного условия межнационального сближения и сотрудничества.

Резко бичуя царскую администрацию за создание в крае режима, который «пошел совершенно вразрез с духовно-социальным строем туземцев», Хетагуров указывал, что основная цель такой политики состоит в том, «чтобы отнять у туземцев всякую возможность научиться чему-нибудь у русских, видеть и непосредственно наблюдать русскую гражданственность и жизнь, а также деятельность культурных людей, слышать русскую речь, работать рука об руку с русским пионером, отдавать детей в русские школы и мало-помалу ассимилироваться»³¹. Коста Хетагуров неустанно следил за развитием русской культуры и учился у ее лучших представителей глубокой идейности, умению правдиво изображать жизнь народа, его борьбу и стремления. Он считал революционную Россию своей родиной, а ее истинных сынов — своими братьями и соратниками по борьбе.

Освободительное движение русского народа оказало огромное влияние на разрывание национально-освободительной и социальной борьбы горцев. В связи с развитием капитализма шел процесс расслоения горского крестьянства и обострялась классовая борьба внутри его. Наиболее резкие формы приняла борьба в плоскостной части Осетии между так называемыми временно-проживающими и эксплуататорской верхушкой деревни. Выселявшиеся на плоскогорье, эти бедные, безземельные горцы попадали в тяжелые условия. Не имея земли, они вынуждены были на самых кабальных условиях арендовать ее у богатей. В прошении на имя начальника Терской области от 9 июня 1882 г. временнопроживающие села Ольгинского писали: «Нас ныне до того стесняют, что положительно нет никакой возможности жить и приобретать пропитание себе, ибо лишают нас не только земли для пахоты, сенокосения, а даже для пастбищных мест... За посев озимого хлеба в прошлом году ныне налагают очень непомерную плату — от 7 до 9 рублей за десятину... Бедным людям продавать свои пай «временнопроживающим» запрещают и виновного хотят штрафовать»³².

³¹ Коста Хетагуров. Публицистика. Государственное изд-во Северо-Осетинской АССР. 1941, стр. 135.

³² «Материалы по истории Осетии». Т. III. Государственное изд-во Северо-Осетинской АССР. Дзауджикау. 1950, стр. 33.

В 1884, 1899 гг. волнения среди временно-проживающих охватили села Ольгинское, Тулатово и др. Царская администрация издала особые правила, по которым временно-проживающие, не приписанные по решению сельского схода к тому или иному селу, подлежали выселению в места прежнего жительства с помощью полицейских мер.

Вслед за русскими рабочими на борьбу за освобождение поднимались и рабочие горских районов Северного Кавказа. В 90-х годах происходили волнения рабочих на крупнейшем капиталистическом предприятии Осетии, принадлежавшем «Горнопромышленному и химическому обществу Алагир», которое находилось в руках Льежского и Брюссельского банков. На шахтных работах в Садоне было занято более 400 основных рабочих, главным образом из числа осетин, жителей близлежащих селений. Начиная с 1896 г. работы на рудниках проводились круглосуточно, в две смены, по 12 часов каждая. Пользуясь отдаленностью, а также темнотой и забитостью рабочих-осетин, иностранные капиталисты нещадно эксплуатировали рабочих, широко практиковали штрафы, систематически урезывали и без того низкую заработную плату. Особенно тяжело было тем рабочим, которые после изнурительного, 12-часового рабочего дня должны были отправляться к себе домой в ближайшие села, расположенные, как правило, высоко в горах. В 1895 г. в одном из прошений рабочие писали: «Когда дни стали короче, а вместе с тем темнеть стало раньше, а рассветать позднее, — 12-часовая работа оказалась для нас непосильной, так как было крайне неудобно, а подчас и опасно возвращаться по тропам в темноте с рудников в селение, а из селения приходило на рудник до рассвета. Семьи наши, где мы живем, за неимением помещений на руднике, отстоят от последнего на несколько верст»³⁴.

Среди рабочих садонских рудников нередко вспыхивали стихийные волнения. В 1897 г. газета «Северный Кавказ» писала, что в средних числах июня рабочие «вышли из терпения», ворвались в квартиры инже-

неров и других служащих с намерением избить их, но вмешательство фабричной полиции и вывоз из Алагира в Садон начальника 3-го участка помешали этому плану³⁴. Под давлением рабочих администрация рудника вынуждена была дать обещание ввести 3-сменную работу. Однако это обещание не было выполнено. Тогда 7 октября 1897 г. рабочие вновь забастовали. Они выбрали уполномоченных — стачечный комитет, в который вошли 4 осетина — Икаев, Купеев, Макеев, Цагараев — и один русский — Николаев. Рабочие требовали: а) введения 3-сменной работы, б) возмещения убытков, понесенных рабочими в связи с вынужденными прогулами, в) предоставления рабочим кратковременных отпусков для уборки кукурузы, г) возвращения из кассы товарищества денег, удержанных незаконно администрацией с каждого рабочего. К сожалению, нет сведений о том, как протекала забастовка. Однако сам факт рабочей забастовки в глухом горном ущелье был весьма характерен.

Социально-экономическое и культурное развитие Северного Кавказа во второй половине XIX в. свидетельствует об огромном прогрессивном значении присоединения его к России. Народы Кавказа избавились от опасности иноземного порабощения феодально-отсталыми государствами — Турцией и Ираном, от непрерывных, кровавых междоусобных войн и набегов и вышли из состояния неподвижности и застоя патриархально-родового и феодального быта. Для них были открыты возможности более тесного экономического и культурного общения как между собой, так и с русским народом. Горские народы включились в общий поток освободительного движения, ведущую роль в котором играл великий русский пролетариат. Вопреки стараниям царизма, помещиков, местной национальной буржуазии и мусульманского духовенства росло и крепло единство трудящихся горских народов с трудящимися России и прежде всего с русским пролетариатом, возглавившим освободительное движение всех народов России.

³³ Там же, д. 128, л. 499.

³⁴ Х а с а у. Иностранцы в руднике. «Северный Кавказ». 25 сентября 1897 года.